

А. И. Куприн

Звезда Соломона

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

А. И. Куприн

Звезда Соломона / А. И. Куприн – М.: Книга по Требованию, 2011. – 82 с.

ISBN 978-5-458-03817-1

А.И.Куприн (1870-1938) - выдающийся российский писатель, творчество которого отличается тончайшим изображением самых разных областей жизни; произведения А.И.Куприна - своеобразная энциклопедия жизневедения - основаны на пережитом, увиденном и прочувствованном им самим.

ISBN 978-5-458-03817-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Куприн Александр
Звезда Соломона

Александр Иванович Куприн
Звезда Соломона

Странные и маловероятные события, о которых сейчас будет рассказано, произошли в начале нынешнего столетия в жизни одного молодого человека, ничем не замечательного, кроме разве своей скромности, доброты и полнейшей неизвестности миру. Звали его Иван Степанович Цвет. Служил он маленьким чиновником в Сиротском суде, даже, говоря точнее, и не чиновником, а только канцелярским служителем, потому что еще не выслужил первого громкого чина коллежского регистратора и получал тридцать семь рублей двадцать четыре с половиной копейки в месяц. Конечно, трудно было бы сводить концы и концами при таком ничтожном жалованье, но милостивая судьба благоволила к Цвету, должно быть, за его душевную про стогу. У него был малюсенький, но чистенький, свежий и приятный голосок, так себе, карманный голосишко, тенорок-брелок, - сокровище не Бог весть какой важности, но все-таки благодаря ему Цвет вел в церковном хоре своего богатого прихода, заменяя иногда солистов, а это вместе с разными певческими халтурами, вроде свадеб, молебнов, похорон, панихид и прочего, увеличивало более чем вдвое его скудный казенный заработок.

Кроме того, он с удивительным мастерством и вкусом вырезал и клеил из бумаги, фольги, позументов и обрезков атласа и шелка очень изящные бонбоньерки для кондитерских, блестящие котильонные ордена и елочные украшения. Это побочное ремесло тоже давало небольшую прибыль, которую Иван Степанович аккуратно высылал в город Кинешму своей матушке, вдове брендмейстера, тихо доживавшей старушечий век на нищенской пенсии в крошечном собственном домишке, вместе с двумя дочерьми, перезрелыми и весьма некрасивыми девицами.

Жил Цвет мирно и уютно, вот уже шестой год подряд, все в одной и той же комнате в мансарде над пятым этажом. Потолком ему служил наклонный и трехгранный скат крыши, отчего вся комнатка имела форму гроба; зимой бывало в ней холодно, а летом чрезвычайно жарко. Зато за окном был довольно широкий внешний выступ, на котором Цвет по весне выгонял в лучинных коробках настурцию, резеду, лакфиоль, петунью и душистый горошек. Зимой же на внутреннем подоконнике тарачились колючие бородавчатые кактусы и степенно благоухала герань. Между тюлевыми занавесками, подхваченными синими бантами, висела клетка с породистым голосистым кенарем, который погожими днями, купаясь в солнечном свете и фарфоровом корытце, распевал пронзительно и самозабвен-

но. У кровати стояли дешевенькие ширмочки с китайским рисунком, а в красном углу, обрамленное шитым старинным костромским полотенцем, утверждено было Божие милосердие, образ Богородицы-троеручицы, а перед ним под праздники сонно и сладостно теплилась розовая граненая лампадка.

И все любили Ивана Степановича. Квартирная хозяйка - за порядочное, в пример иным прочим, буйным и скоропереходящим жильцам, поведение, товарищи - за открытый приветливый характер, за всегдашнюю готовность услужить работой и денежной ссудой или заменить на дежурстве товарища, увлекаемого любовным свиданием; начальство - за трезвость, прекрасный почерк и точность по службе. Своим канареечным прозябанием сам Цвет был весьма доволен и никогда не испытывал судьбу чрезмерными вожделениями.

Хотелось ему, правда, и круто хотелось - получить заветный первый чин и надеть в одно счастливое утро великолепную фуражку с темно-зеленым бархатным околышем, с зерцалом и с широкой тульей, франтовато притиснутой с обоих боков. И экзамен был им на этот предмет сдан, только далеко не блестяще, особенно по географии и истории, и потому мечты носились пока в густом розовом тумане. Давно заказанная фуражка покоилась в картонке, в нижнем ящике комода. Иногда, придя из присутствия, Цвет извлекал ее на свет Божий, приглаживая бархат рукавом и сдувал с сукна невидимые пылинки. Он не курил, не пил, не был ни картежником, ни волокитой. Позволял себе только разумные и дешевые удовольствия: по субботам, после всенощной, жаркую баню с долгим любовным пареньем на полке, а в воскресенье утром кофе с топлеными сливками и с шафранным кренделем. Изредка совершал он прогулку на вербы, на троицкое катанье, на балаганы, на ледоход и на Иордань и раз в год ходил в театр на какую-нибудь сильную, патриотическую пьесу, где было побольше действий, а также слез, криков и порохового дыма.

Была у него одна невинная страстишка, а пожалуй, даже призвание разгадывать в журналах и газетах всевозможные ребусы, шарадь, арифмографы, криптограммы и прочую путанную белиберду. В этой пустяковой области Цвет отличался несомненным, выдающимся, исключительным талантом, и много было случаев, что он для своих товарищей и знакомых, выписывающих недорогие еженедельные издания, разгадывал шутя сложные премированные задачи. Высоким мастером был он также в чтении всевозможных секретных шифров, и об этом странном даровании Ивана Степановича наша

правдивая, хотя и неправдоподобная повесть рассказывает не случайно, а с нарочитым подчеркиванием, которое станет ясным в дальнейшем изложении.

Изредка, в праздничные дни, под вечерок, заходил Цвет - и то по особо настойчивым приглашениям - в один трактирный низок под названием "Белые лебеди". Там иногда собирались почтамтские, консисторские, благочинные и сиротские чиновники, а также семинаристы и кое-кто из соборных певчих голосистая, хорошо сладившаяся, опытная в хоровом пении компания. Толстый и суровый хозяин, господин Нагурный, страстный обожатель умильных церковных песнопений, охотно отводил на эти случаи просторный "банкетный" кабинет. Пелись старинные русские песни, кое-что из малорусского репертуара, особенно из "Запорожца за Дунаем", но чаще - церковное, строгого стиля вроде "Чертог твой вижду", "Егда славнии ученицы", или из бахметьевского обихода греческие распе-вы.

Регентовал обычно великий знаток Среброструнов от Знамения, а октаву держал сам знаменитый и препрославленный Сугробов, бродячий октавист, горький пьяница и сверхъестественно глубины бас. Хозяину Нагурному петь раз навсегда было строго запрещено, вследствие полного отсутствия голоса и слуха. Он только дирижировал головой, делал то скорбное, то строгое, то восторженное лицо, закатывал глаза, хлюпал носом и - старый, потертый крокодил - плакал настоящими, в орех величиною, слезами. И часто, разнежившись, ставил выпивку и закуску.

На этих любительских концертах Иван Степанович, случалось, не мог отказаться от стакана-другого пива, от рюмочки сантуринаского или кагора.

Но приятнее ему было все-таки скромно угостить хорошего знакомого, чаще всего - волосатого или звероподобного октависта Сугрובה, к которому он питал те же почтительные, боязливые, наивные и влюбленные чувства, какие испытывает порою пылкий десятилетний мальчуган перед пожарным трубником в сияющей медной каске.

2

Двадцать шестое апреля пришлось как раз в воскресенье, в храмовой праздник прихода, где пел Иван Степанович. Кроме обычной обедни, была еще отслужена заупокойная литургия, заказанная вдовой именитого купца Солодова, по случаю мужниных сороковин. Певчие, старавшиеся вовсю, были награждены расплакшеюся купчихой с неслыханной щедростью (поговаривали, что

покойный сильно поколачивал в хмелю свою супругу и что еще при жизни мужа она утешалась с красавцем старшим приказчиком).

После литургии пропели панихиду на дому, а к поминальному обильному столу, вместе с духовенством и нарочито приглашенным соборным протодьяконом, был позван и церковный хор.

День закончился в "Белых лебедях" настоящим разлитым морем, и как-то само собой случилось, что Цвет, всегда умеренный и не любивший вина, выпил гораздо более того, что ему было допущено привычкой и натурой. Но от этого он вовсе не потерял своих милых и теплых внутренних свойств, а, наоборот, забыв о всегдашней застенчивости и слегка распахнувшись душой, стал еще добрее и привлекательнее. С нежной предупредительностью подливал он пиво в стакан то октависту Сугробову, то огромному протодьякону Картагенову, которого без особых усилий компания затащила в ресторанный подвальчик. Восторженно слушал он, как эти две городские знаменитости, оба красные, потные, мохнатые с напряжившимися жилами на шеях, переговаривались через стол рокочущими густыми голосами, заставлявшими тяжело и гулко колебаться весь воздух в низкой и просторной комнате. Обнимал он также и многократно целовал жеманного, курчавого и толстого Сребструнова, уверял, что место ему по его великим талантам быть не регентом в маленьком губернском городе, а по крайней мере управлять придворной капеллой или московским синоидальным хором, и клятвенно обещался подарить к именинам Сребструнова золотой камертон с надписью и к нему - замечательный футляр из красного сафьяна, собственно ручной работы.

В этот вечер пели мало и не по-всегдашнему стройно: сказались усталость и купеческое широкое хлебосольство. Но говорили много, громко, возбужденно и все разом. Высокие носовые и горловые ноты теноровых голосов плыли и дрожали на фоне струнного басового гудения, точно сверкающая рябь солнечного заката на глубокой полосе спокойной, широкой реки. И Цвету мгновеньями казалось, что он сам среди пестрого говора, в синих облаках табачного дыма, пронизанного мутными пятнами огней, тихо плывет куда-то в темную даль, испытывая сладкое, сонное, раздражающее головокружение, какую-то приятную, лазурную, с алыми пятнами одурь.

Порою отдельные куски разговора вставали перед ним с необыкновенной, преувеличенной яркой ясностью.

- Я и не скрываю. Чего мне скрывать? - Говорил смуглый, угреватый и мрачный баритон Карпенко. - Есть у меня один выигранный билет. Первого мая ему розыгрыш. Хоть он и заложенный, а все-

таки я его сколотил на мои кровные труды, и никому до этого нет никакого дела. Вот назло выиграю первого мая двести тысяч и брошу к чертовой матери и хор, и службу. И заживу паном. Положу деньга под закладную дома из десяти процентов.

Проценты буду проживать, а капитал не трону. Двадцать тысяч в год. Буду обедать у Смольского, а за обедом портвейн пить по два с половиной бутылка. Попробуй-ка у меня тогда занять денег. А н-ни копейки, ни грошика. Н-никому! Зась!

- Го-го-го! - захохотал оглушительно Картагенов. - Я раз выиграл на билет пятьсот рублей.

- Как это так, отец дьякон? На билет от конки?

- Ничуть не бывало. Взаправду. Мой батька, как вам, может быть, известно, был, вроде меня, соборным протодьяконом, но только не здесь, а в Москве. И голосом он обладал ужасающим, вроде царя-колокола или самолетского парохода. Что я перед ним? Моз-гляк! - рывкнул Картагенов, и от его возгласа заколебались огненные языки в лампах. - Однажды ему за свадебного апостола купцы подарили шесть выигрышных билетов. Тогда они еще по сту с небольшим ходили. Вот он, значит, все эти билеты перетасовал и роздал, как карты, не глядя, и потом на каждом надписал имена: свое, маменькино и нас четверых: мое, двух братьев и сестренкино.

И засунул за образа.

Однако не застраховался. Побоялся искушения. Сказано в писанини:

"Не надейтесь ни на князи, ни на сыны человеческие". И положил он между нами всеми такой нерушимый уговор: если кто выиграет пятьсот рублей, тому выигрыш идет целиком, малолеткам - ко дню их совершеннолетия. А на руки немедленная единовременная премия, в пропорции возраста. Мне, например, было высчитано рубль сорок копеек. Если же на чей билет падет больше, то все деньги делятся между участниками и хранятся по уговору, хотя счастливцу все-таки выдается увеселительный наградной куш. За тысячу - три рубля, за пять тысяч - десять и так далее, с благоразумным уменьшением процента. За двести же тысяч - пятьдесят целковых, по тогдашнему времени целый корабль с мачтами и еще груженный золотом.

Пришло первое мая. Отец нарочно купил газету, надел очки и смотрит.

Глядь - готово. Мой номер. Цифра в цифру. Так и напечатано: вышел в тираж погашения номер такой-то, серия такая-то. Что такое за штука тираж никому не было тогда известно: ни отцу, ни знако-

мым. Но, посоветовавшись с кое-какими ближними мудрецами, так и порешили, что, должно быть, слово это означает тоже выигрыш, а может быть, - почему знать? - и в удвоенном размере? Батяка по этому поводу совершил обильное возлияние, а мне - на радостях было ввдано в задаток рубль и сорок копеек. Устроил я в тот же день Валтасарово пиршество. Купил на улице полный бочонок грушевого квасу и весь лоток моченых груш.

Угостился с приятелем квантум сатис (Вдоволь (от лат. quantum satis)), даже до полного расстройств желудка (Желудка (от греч. аомачос)).

Наутро батяка попер с газетным листом на Ильинку к менялам, справиться, где и как получить выигранные денюга. Ему там и объяснили все его невежество. "Плакали, мол, отец дьякон, твои сто рубликов, а билет ты можешь опрavit в рамку и повесить у себя в кабинете, как вечную память твоей глупости". Обиделся он самым свирепым образом.

Вернулся домой, точно грозовая туча. И прямо ко мне:

"Скидывай портки!" - "За что, папенька?" - "А за то, за самое. Не обжорствуй мочеными грушами, в них бо есть блуд!" И такую прописал мне ижицу ниже спины, что и до сих пор вспомнить щекотно. А остальные пять билетов в тот же день продал. "Не хочу, - сказал, - потворствовать мошенническим аферам". Вот и все.

- Маловато, - заметил кто-то иронически.

- А что же? - возразил другой. - Хотя день, хоть час, а всетаки счастье. Разные там мечты, надежды, планы...

Все на минуту как-то задумчиво умолкли. Первым заговорил Среброструнов:

- Если бы мне двести тысяч, я объездил бы Россию, все города и захолустья, и набрал бы самый замечательный в мире хор. И пел бы я с ним в Москве. А потом стал бы концертить по Европе. Везде: в Париже, в Лондоне, в Риме, в Берлине. И приобрел бы я всесветную славу. А Сугрובה кормил бы сырым мясом и показывал в клетке за особую плату.

Потому что за фаницей таких зверей еще не выдывано.

- Ве-ерно, - протянул протодьякон низким, мягким и густым басом.

- Да-а, - подтвердил Сугробов на кварту ниже. - А я бы, - заговорил он с оживлением, - я бы сто пятьдесят этак тысяч отдал жене и сказал бы:

"Вот тебе отступное. Живи себе как хочешь, пой, играй, пляши, а я - до свидания. Попилили меня дeсть лет, попили моей крови,

пора и честь знать". И ушел бы я на волю. За сим тридцать тысяч отделю в общий великий вселенский пропой, а на остальное куплю хату, на манер собачьей конуры, но с садом и огородом. И буду возвращать плоды и ягоды. И кор-не-пло-ды... закончил он в нижнем контр-ля.

Многие засмеялись. Им было давно известно, в каком рабском подчинении держала этого могучего, черноземного, стихийного человека его жена маленькая, тогда, языкатая женщина, ходячая злая скороговорка, первая ругательница на всем Житном базаре.

И сразу весь банкетный кабинет закипел общим горячим разговором.

Как это часто бывает, соблазнительная тема о всевластности денег волшебю притянула и зажгла неутолимым волнением этих бедняков, неудачников и скрытых честолюбцев, людей с расшатанной волей, с неудовлетворенным аппетитом к жизни, с затаенной обидой на жестокую судьбу. И тут сказала, точно вывернувшись наизнанку, истинная, потасенная буднями натура каждого. Мечтали вслух о вине, картах, вкусной еде, о роскошной бархатной мебели, о далеких путешествиях в экзотические страны, о шикарных костюмах, собственных лошадях и громадных собаках, о великосветской жизни в обществе графов и баронов, о театре и цирке, об интрижке со знаменитой певицей или укротительницей зверей, о сладком ничегонеделании с возможностью спать сколько угодно часов в сутки, о лакеях во фраках. И, главное, о женщинах, о целом гареме из женщин, о женщинах всех цветов, ростов, сложений, темпераментов и национальностей.

Пожилой консисторский чиновник Световидов, умный, желчный и грубый человек, сказал ядовито:

- Ни у кого из вас нет человеческого воображения, милые гориллы.

Жизнь можно сделать прекрасной при самых маленьких условиях. Надо иметь только вон там, вверху над собой, маленькую точку.

Самую маленькую, но возвышенную. И к ней идти с теплой верою. А у вас идеалы свиней, павианов, людоедов и беглых каторжников. Двести тысяч дальше не идут ваши мечтания. Но, во-первых, у вас у всех в общей сложности имеется наличного капитала один дырявый пятиалтынный.

Во-вторых, ни у кого из вас не хватит выдержки съэкономить хотя бы сто рублей на покупку выигрышного билета. Карпенко, наверно, приобрел свой билет, зарезав родную тетку во время сна.

И когда он выиграет двести тысяч, то как раз в тот же день его гнусное преступление раскроется и его, раба Божьего, повлекут в тюрьму. А в-третьих, даже и с билетом в кармане вероятность первого выигрыша равна одному шансу на десять миллионов, то есть почти нулю или бесконечно малой дроби. Стало быть, все, что вы говорите сию минуту, - одно суесловие, раздражение пленной и жалкой мысли. Двести тысяч! Что за скудность фантазии!

- Ему бы миллион, - сказал чей-то недружелюбный голос в конце стола. Известно, консистория - место хлебное, а глаза у нее завидующие.

- А что же? - спокойно возразил Световидов, даже не обернувшись. Мечтать о несбыточном, так мечтать пошире. Миллионов десять - это, скажем, недурно. Можно прожить умно, полезно и со вкусом. Но почему бы вдруг не сделаться, по мановению волшебного жезла, например, царем? Но и тогда ваши телячьи головы ничего острого не вообразят. Знаете, есть побасенка. Русского рязанского мужичка спросили: "Что бы ты, Митенька, делал, если бы был царем?" - "А я бы, - говорит, - сидел целый день у ворот на лавке и лузгал бы семечки. А как кто мимо идет - в морду. Как мимо - так в морду". Ваша готтентотская фантазия не намного дальше хватает. Явись хоть сейчас к вам, к любому, дьявол и скажи: "Вот, мол, готовая запродажная запись по всей форме на твою душу. Подпишись своей кровью, и я в течение стольких-то лет буду твердо и верно исполнять в одно мгновение каждую твою прихоть". Что каждый из вас продал бы свою душу с величайшим удовольствием, это несомненно. Но ничего бы вы не придумали оригинального, или грандиозного, или веселого, или смелого.

Ничего, кроме бабы, жранья, питья и мягкой перины. И когда дьявол придет за вашей крошечной душонкой, он застанет ее охваченной смертельной скукой и самой подлой трусостью.

Световидов замолчал, и никто не возразил ему. Слова его были подобны ледяному компрессу на пылающую голову. Только кто-то, скрытый в синем табачном дыму, спросил из угла, обращаясь к Цвету:

- Эй ты, Иоанне Цветоносный. А ты бы что бы? А?

- Я? - востропнул Цвет. Он блаженными, блестящими глазами Уставился на лампу, и тотчас же от ее огня отделился другой огонь и легко поплыл вправо и вверх. - Я бы? Мне ничего не надобно. Вот хоть бы теперь... светло, уютно... компания милых, хороших товарищей... дружная беседа... Цвет радостно улыбнулся соседям по столу.